

Мария Буркова

ЛоГГ. Спаси императора

3-я часть триптиха

Mein Stern

Мария Буркова

**ЛоГГ. Спасти императора.
3-я часть триптиха**

«Издательские решения»

Буркова М. О.

ЛоГГ. Спасти императора. 3-я часть триптиха / М. О. Буркова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850298-9

Это основная часть триптиха, являющаяся его кульминацией. Кроме очень насыщенного эпизода в стиле экшн именно здесь изложено всё, что произойдёт в ближнем и дальнем будущем империи, республики и всех столь знакомых нам героев — не забыт из них никто. Все оборванные линии сюжета наконец-то сходятся в одно целое.

ISBN 978-5-44-850298-9

© Буркова М. О.
© Издательские решения

Содержание

1. Пытка надеждой	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ЛоГГ. Спасти императора 3-я часть триптиха

Мария Олеговна Буркова

© Мария Олеговна Буркова, 2017

ISBN 978-5-4485-0298-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Судьба ведёт наёмника сквозь тысячи дорог
На перекрестье городов и трасс.
Театр Последней Битвы пройден вдоль и поперёк,
И с нами Бог – так кто же против нас?!
Алькор. «Марш наёмников».*

1. Пытка надеждой

Спрашивается, куда в определённый, один-единственный всего лишь момент девается интуиция и иже с ней прочие рефлексy да инстинкты? Ну почему когда надо, не срабатывает ничего, никакого, даже самое затюканное чувство опасности? А потом уже все сожаления и прочая бесполезны до смехотворности – только вот совсем не до смеха, мягко говоря. И тем более обидно, что тебя, дурака, предупреждали – но у меня же привычка предупреждения игнорировать, мол, не я послушал, а вы принудили, господа окружающие и соратники. Вот и доигрался, вот и доважничал – теперь абсолютно неважно, кто что подумает из каких-то абстрактных людей. А вот то, что до адской боли внутри понятно, кто будет сходить с ума от ужаса – вот тут у тебя, гордый ты наш император, крыть нечем, верно? Больно? Видать, это ещё бутончики... Что, позавидовал успехам Катерозе, что ли, раз так легкомысленно отнёсся к её совету побережись до того, как она решит проблему со сбежавшими с глаз розентриттерами, решил, что тебя оно не касается, стало быть? Ну вот, явно оно сейчас тебя и касается, придурок – ишь, как от души закрутили жёсткие наручники, этак часов через пять руки дойдут хорошо, до некроза без проблем, а что ты будешь делать с изуродованными руками, даже если тебя оставят в живых? То, что пока оставили – вовсе не плюс, этак запросто может оказаться. Страшно ныло плечо, в которое угодила иголка парализатора. Дозу туда явно закатали, расщедрившись – никакие навыки юности Райнхард применить не смог и не успел, хотя пытался на автомате зажать мышцами рану и рухнуть хотя бы вниз, к ручью – возможно, именно из-за этой попытки овладеть ситуацией яд подействовал ещё быстрее, и он хотя и сознавал, что застыл стоя, не в силах даже открыть рот, не то, что бы крикнуть – ничего уже сделать было нельзя. Убиваться от сознания того, как по-подлому и просто поступили с ним сразу же, накрыв голову мешком и грубо утащив куда-то, тоже не было ни желания, ни сил – сейчас тело само этим занималось, то и дело взрываясь простреливающими болями – понятно, яд начал бродить в мышцах, да и после неизвестно сколько длившегося забытья где-то что-то затекло, и поскольку он не может толком шевелиться, надеяться на прекращение этой пытки не приходится. Да и думать о том, что ждёт в ближайшем будущем, сил тоже не было – тем более понятно уже, что ничего хорошего. Это вот как раз интуиция подсказывала весьма настойчиво, как и то, что вряд ли есть на что надеяться, вроде какого чудесного избавления – те, кто смог дожидаться, когда он отвяжется настолько, что выйдет за цветами для Хильды совершенно один, никого не предупредив, явно хорошо знали, что делали. Райнхард непроизвольно попытался горько вздохнуть от мысли о Хильде, и это вызвало несколько новых волн боли, от которых впору было вовсе задохнуться. Нет, выжить. Выжить хотя бы ради неё – что бы не ждало впереди... Это слишком тяжёлая цена за всё – знать, что она страдает из-за меня, пусть уж отыграются на мне тогда, сколько смогут – а то на черта было всё это нужно, хоть победы, хоть корона. Что там пел этот самозванный орден, который возглавлял этот странный юноша, что проектировал храмы? «Стоила костра корона в Реймсе, лилии не стоили цены»? Вот ведь весёлая забава, за лилиями-то я нынче и полез, получается – тоже мне, букет с нейтральной полосы, стало быть, из последней строчки. Райнхард вдруг почувствовал, что может улыбнуться – и не без удовольствия шевельнул губами. Всё же, самая лучшая строчка в гимне словодельцев – обозвались ребята с явной претензией, с явной – вовсе не там, а как раз посредине – «если где мерещится свобода, вслед за ней появятся гробы». Что ж, с такой сменой не страшно даже умирать, если что... Господи, позаботься о Хильде, прошу только об этом. Сын поймёт, когда вырастет.

Он пытался всё же двигать мышцами, чтобы разогнать кровь. Боль накатывалась страшная, но ведь приходилось когда-то в лихорадке терпеть, потерпим и сейчас – хоть какое-то занятие, да и сознавать, что он не совсем погиб, было приятно. И не так позорно будет встречать то,

что ждёт вскорости – а там явно что-нибудь мерзкое... Сколько же прошло уже времени? Есть хочется... Ещё и душновато – видать, его всё ещё куда-то везут, видать, это неблизко, конечно. Голова была ватной – точно траванули при захвате неслабо, и никак не улавливала никаких намёков на смену режимов – ну, хотя бы понятно, что старта с планеты не было, и он всё ещё на Одине. Если только... если только он не терял ни разу сознание – а вот за этот пункт поручиться нельзя, перед глазами темень такая, что ничего не разобрать. Людей он вовсе не чувствует – навыки, натренированные в пору слепоты, утрачены не были, однако ничьих эмоций поблизости, в нескольких метрах от себя Райнхард не ощущал, да и с более дальнего расстояния он не был объектом ничьего внимания. Так, а вот это уже подсказка... Катерозе, точно. Не Хильда – ей нельзя волноваться, пока он не выбрался. Катерозе, услышь меня. Услышь меня, пожалуйста. Я в беде, Катерозе, попытайся меня найти. Достань Кисслинга – он скажет тебе, где растут лилии, которые были на твоём свадебном платье, это не совсем они, но похожие. Там должны быть следы, где меня схватили – это уже зацепка. Да даже если и нет – ты можешь почувствовать оттуда, где я. Катерозе, помоги мне – мне очень плохо. Катерозе, ты слышишь меня?

От нового напряжения накатилась крепкая волна дурноты, в ушах зазвенело, да ещё пришлось сделать неосторожное движение локтями, пытаясь шевельнуть скованными запястьями, и Райнхард отключился от боли, не успев понять, ушёл ли его мысленный крик в пространство. Он даже не успел представить перед собой лицо леди фон Кройцер, этой невозможной в своей бесшабашности флибустьерши удачи. Да и не знал бы он, обрадовало ли бы его знание одного небольшого события, что произошло через пятнадцать минут после его падения в небытие.

В кабинете Оберштайна раздался звонок по серой линии – по таким он отвечал только сам.

– Слушаю, – с извечной невозмутимостью проговорил он, не посчитав нужным поприветствовать собеседника – коли звонят так, то не до церемоний.

– Пауль, по ходу, у нас проблема, – столь же холодным тоном заявила рыжая бестия на том конце связи. – Оставайся на связи и дай мне Кисслинга, срочно. Немедленно.

– Что, нет времени пояснять? – с ледяным спокойствием ответил Оберштайн, нажимая нужные кнопки. – Пожалуйста, миледи.

– Не до шуток, Пауль, – фыркнула собеседница, и услышав нужный щелчок, рыкнула очень деловито, но грозно, – Кисслинг, срочно сообщите, как давно пропал император и где, чёрт возьми, растут белые лилии, а? Те, которые он мог отправиться рвать, думайте, Кисслинг, а не удивляйтесь!

Райнхард пришёл в себя от нового приступа острой боли и нехорошего ощущения, что с ним что-то делают. На глазах была очень плотная повязка – даже и надеяться нечего, что она сокользят или ещё что-то в этом роде. Руки в наручниках так и остались налитыми холодом и тупой болью, но за плечи явно кто-то держал, иначе бы он не смог стоять на коленях и грохнулся бы лицом вниз. Дышать было намного легче, и несло какой-то бредовой смесью пыли, шерстяной одежды, холодного металла и духов разных оттенков. Ужасно хотелось закашляться, но отчего-то Райнхард не спешил этого делать – сейчас он чуть ли не кожей ощущал множество людей вокруг, больше десятка точно, которые воспринимали его очень злобно, как минимум... Что-то подобное он ощущал и в юности, когда кайзер не скупился на титулы за победы, и каждый поход по ковровой красноте между стоящими навтыжку обычно злобными свидетелями его торжества был окутан такой тошнотворной ненавистью, что кто другой мог и споткнуться на ровном месте, а то и рухнуть на подкашивающихся ногах. Ни тогда, ни сейчас он не боялся – но молча выжидал и не торопился с телодвижениями. Но сейчас на шее под рубахой висел нательный крест, – и, как ни странно было это ощущать, он как будто сам шевельнулся и завибрировал секунды на три... Может быть, Кирхайс? Кулон, полученный

от призрака основателя рейха, к счастью, остался в кабинете – но с тех пор ни того, ни другого Райнхард поблизости не ощущал. Разве что Катерозе перед свадьбой, так напугавшая его словами про своё сходство с Кирхайсом – тогда ему на секунду показалось, что он слышит смех погибшего друга... Опять на ум пришла озорная мысль – осведомиться, нет ли на горизонте грозы, ага... Кто ж вы такие, злобные тени, радующиеся тому, что получили наконец власть мучать меня? Облицье-то у вас точно людское, надо полагать... Но так жёстко жать за больное плечо, ах, этак через несколько минут я не смогу сдерживаться и закричу, несмотря на всю выдержку.

Но у него отчего-то хватило сил не закричать и даже не скривиться от боли в плече и руках, когда его сильно встряхнули и поволокли куда-то – судя по чётко различимому стуку каблучков, конвоиров было двое. Тащили недалеко, но нарочито грубо держали и так, чтоб оставался на коленях – явно с умыслом. Он не сопротивлялся, но и не помогал – и, вопреки ожиданиям присутствующих, как позже оказалось, молчал. Это порядком разозлило кого-то, и чей-то хриплый трескучий тенор с явным неудовольствием рывкнул едва ли не над ухом:

– Это что ли, знаменитый белобрысый сопляк, получается? А чего он не разговорчив-то?

Райнхард осторожно вздохнул, чтобы не дёрнуться всем телом – давно он не слышал этого старого оскорбления, но именно то, что он слышит его на Одине, уже хорошо объясняло, какого сорта тут командиры... Эх, предупреждала же его Катерозе, что старая аристократия однажды улучит момент для мести – а он только посмеялся. Самоуверенный мальчишка...

В ответ раздалось вполне приятное контральто:

– Да он же под парализатором ещё, по всей видимости. И потом, вы сами на месте этого красавца много бы говорили, а? – залиvistый женский смех отзывался тихим, но заметным эхом где-то вдали, значит, помещение отнюдь не тесное...

– Вот уж на чьём месте я не хотел бы вовсе оказаться уже! – с мрачным торжеством расхохотался кто-то ещё, явно не старше самого Райнхарда. – Чистая работа, однако, и если он не хочет разговаривать – не беда, ему придётся кричать.

– Так что вы тут намерены делать-то с этим золотоволосым? – с нарочито праздным интересом прозвучал тот же женский голос. – Меня лично ведь не всякий метод устроит, вы же понимаете. Всё-таки это моя территория.

– Не вы ли, сударыня, желали встретиться с ним в аду, а? – игриво засмеялись ей в ответ. – Вот мы и намерены исполнить Ваше желание, несравненная Вы демоница. Наша корпорация слов на ветер не бросает, но и мы очень желаем откусить от такого симпатичного гостинца кусочек, так что не взыщите.

– Ладно, грубияны, развлекайтесь, но не вздумайте мне оставить щепки, понятно? Не то останетесь без приза, – по полу застучали каблучки, и повисла небольшая пауза, очевидно, остальные ждали, когда говорившая удалится совсем.

Раздался препаскуднейший хохот:

– Парни, нужен ли нам ещё какой-то приз, когда у нас уже есть вот этот? – по раненому плечу ударили так, что перед глазами вспыхнуло белое пламя, и резкий стон всё-таки вырвался из груди, но он потонул в общей какофонии злобного смеха вокруг.

Райнхард ещё почувствовал сильный толчок между лопаток – а потом ощутил, что падает куда-то вперёд, лицом вниз. Он инстинктивно смог повернуться чуть влево – и рухнул на бок, упредив удар головой об жёсткую, кажется, каменную поверхность. Но руки за спиной не ощутили никакой опоры – и спина завалилась дальше вниз, в пустоту, пришлось рисковать раненым плечом ради того, чтоб не удариться виском. Затем рвануло дикой болью в скованных руках – они приложились об твёрдую ступеньку, вот что это такое, но тело уже набрало инерцию и понеслось дальше... Сколько же тут ступенек, что за огромная лестница, этак здесь совсем недолго разбиться насмерть, интересно, если оно так случится, удастся ли испортить врагам праздник? Бесполезно. Боль страшная, но голова цела, а руки, как ни странно, хотя

болят безотрывно, но слабее, чем раньше. Плечо... Он лежит на нём, на боку, нужно сдвинуться, так, осторожно... Белая вспышка, и чернота.

– А я говорю вам, это недалеко, даже полсотни километров не будет! – Катерозе выглядела так, будто совсем не разнервничалась, даже лилии вставляла в пышную копну волос совершенно спокойными руками, без намёка на нервную дрожь. – Это по банальной тупой логике конечно, пленника надо бы увезти подальше, лучше на планету на краю системы, якобы чтоб было надёжней, – она перетянула свою странную причёску с многочисленными белыми цветами узкой алой лентой, что пришлась ей через лоб, и надо, сказать, была в этом виде неотразима, это успел против воли заметить всякий присутствующий, тем более, что больше никого из дам не было. – Дайте мне планы окрестных районов, разного масштаба. Установите, кому что принадлежит – на деле, а не на бумаге. Надо искать поблизости – уйти далеко, тем более с планеты тихо стартовать, в их планы не входит – как хотите, но я права, – Катерозе вдруг совсем детским движением схватилась за виски. – Ай, – вскрикнула она, зажмурившись, – уже начали, сволочи. Всё, у нас совсем нет времени, но они-то не знают, что мы в курсе вообще. Они думают, что обогнали нас на шесть часов – пусть думают.

– Идём к авто, – как всегда, ледяным тоном произнёс Оберштайн. – Пробуй, пока у тебя не было осечек.

Катерозе не без труда открыла глаза и поспешила за ним, сжав кулаки.

– Молитесь все, чтоб сегодня тоже не случилось! – в лучах закатного солнца она выглядела и вовсе как ожившая валькирия – в своём излюбленном чёрном кожане, расклёпанном виньетками из платины, сапогах до колена и кожаных брюках. Тёмно-синий плащ, огромный синий плащ, который носил сам адмирал Ройнталь, и белые лилии в огненно-рыжих волосах – это было слишком прекрасно и слишком сурово для любого восхищённого наблюдателя. Кроме того, Сверхновая-из-Хайнессена никогда не церемонилась с этикетом и субординацией – когда Миттельмайер узнал, что она позволяет себе иной раз называть министра обороны просто по имени, он на полминуты лишился дара речи, как свидетельствовал адъютант. Он тоже был здесь – и хотя восторгался красотой леди фон Кройцер вполне искренне, и пожалуй, был единственным в этом отношении, тоже побаивался её в глубине души. Про неё ходили страшные легенды – будто если она просила сделать человека что-либо, никто не мог отказать ей, а потом сам не знал, отчего так произошло... Будто она на самом деле командовала эскадронами смерти у себя на планете... Будто она собственноручно умела водить все виды транспорта, и сама порой переодевалась мужчиной так, что в любой схватке с кем угодно выходила победительницей, потому что никто не мог смотреть ей в глаза. Будто она лично зарубила не то боевым топором, не то вовсе какой-то саблей нескольких полевых командиров из партизан, что шарахались по Новым землям под флагом с портретом Яна Вэньли. Ну, и прочие ужасы, за пять лет обросшие невиданными подробностями. Даже Кесслер глядел на неё с опаской и не особо старался это скрывать. Тем более, что леди фон Кройцер своими манерами командовать безапелляционным тоном хоть и порядком угнетала, но разумность её приказов была столь неоспорима, что подчинялись даже те, кто по логике должен был сильно возмутиться от самого факта, что она позволяет себе такое. Интересно, как бы они «поладили» с Ройнталем, будь он жив, подумалось вдруг Миттельмайеру. Однако всё говорило в пользу дамы, увы и ах. Кроме того, она то и дело совещалась с кем-то по своему внутреннему каналу, роняя столь непонятные кодовые фразы, что становилось не по себе. Она вроде бы была полностью поглощена какими-то внутренними ощущениями, но ничего не оставляла без внимания – так, стоило приблизиться к месту, с которого всем стало ясно, что непоправимое произошло на самом деле, как фон Кройцер прошипела:

– Не светитесь на местности – императрица может заметить вас из окон и понять, что у нас беда. Забыли, что мундиры видать далеко? – и тут же бодрым и беззаботным голосом

наплела августейшей особе что-то про рабочее совещание по розенриттерам, на котором все застряли крепко и надолго. Как ни странно, Хильдегарда не попросила поговорить с мужем – все с суевренным страхом решили, что это чуть ли не колдовство...

Но Миттельмайер увидел-таки, что ничего демонического при внимательном взгляде на леди заметить не пришлось. Более того, она на деле сама боялась, как видно, и очень сильно, только вот вовсе не за себя, понятное дело. Иногда казалось, что она в следующий миг разрыдается, как маленькая девочка, разбившая коленку – особенно ощущение усиливалось каждый раз, как она вздрагивала вне всякой видимой причины или молча закусывала губу. Тем не менее, сомнений в природном хладнокровии миледи у Оберштайна – было у неё среди штабных и такое прозвище – не было, видимо, у всех остальных мужчин, глазевших на то, как она методично разглядывает листы с картами, которые вежливым жестом положил перед ней на капоте авто сам старый айсберг, министр обороны. Катерозе смотрела внимательно, потом проводила пальцами в воздушных золотых кольцах над изображением, молча откладывала в сторону лист и бралась за новый. Где-то на второй половине пачки она сделала резкое движение, схватив пальцами уголок схемы, и холодно спросила:

– Вот здесь, что это за унылые постройки и кому они принадлежали тринадцать лет назад?

– Ничего себе, унылые, – не сдержавшись, фыркнул кто-то из полицейских начальников, посмотрев на карту. – Это вполне себе фешенебельный старый особнячок, ему уже двести лет скоро будет, как ни больше, и это очень завидный кусок для любого желающего элитной недвижимости. Используется как загородная дача владельца, закрытое частное владение.

Катерозе слушала, молча прикрыв глаза, будто от сильной злости – во всяком случае, бледность на её лице окружающие были склонны интерпретировать именно так. Она кивнула в такт своим мыслям и холодно продолжила говорить, излучая в пространство чёткое ощущение натянутой до предела струны.

– Я же спросила не об убранстве, а о том, кому оно принадлежало тогда и сейчас, будьте добры уточнить. Я не видела ещё это частное владение, но оно мне уже не нравится – а это интересно.

Как ни странно, поспешил ответить сам Оберштайн, выглядевший в лучах заката мрачной скалой среди живописной зелени парковой аллеи, где происходило импровизированное совещание.

– Это осколок так называемой при династии Гольденбаумов земли Лихтенладе – он владел здесь огромной территорией, но именно эту часть не сочли нужным конфисковать, поскольку она оказалась в собственности человека, не служившего ни самому Лихтенладе, ни кому-то из аристократов-изменников, кроме того, владелец сам никогда к аристократии не принадлежал. Владелец ничем не знаменит и не примечателен.

– Но особнячок красивый, да? Поди, ещё и уютный? – усмехнулась Катерозе, не шевелясь.

Ответил тот же полицейский:

– Вполне приличный, леди, Вам бы там точно понравилось.

Она резко открыла глаза, и от пламени, полыхавшего там, отшатнулся не только говоривший.

– Боюсь, придётся это проверить. Вы там бывали, стало быть? Дайте мне всё же изображения покрупнее.

Полицейский слегка замялся, чуть пожал плечами, в его чёрных глазах промелькнуло какое-то сомнение...

– Вы угадали, сударыня, я сам давно хочу приобрести это владение, но я бывал там уже давно, три года назад, потому что мне дали понять, что оно не продаётся.

– Вы приходили туда в форме? – поспешно произнесла Катерозе.

– Да, разумеется.

– Уже хорошо, – совсем тихо сказала она, будто снова обдумывая что-то, и вдруг резко развернулась всем корпусом в сторону Оберштайна, будто хотела атаковать. – Не ошибается тот, кто ничего не делает, а ничего не делать нам вредно, верно?

– Пробуй, я сказал, – сурово ответил тот, никак не отреагировав на её выпад. – Что ты хочешь сделать?

– Можно сделать некоторый финт – отключить энергоснабжение района на пяток минут, чтоб все заметили, но не успели занервничать?

Миттельмайер похолодел, да и остальные почувствовали себя так, будто конец этого мира приближается и наступит где-то через часок – Оберштайн улыбнулся в ответ этой рыжей валькирии! И молча кивнул! Катерозе же восприняла это совершенно спокойно, как должное – и продолжила быстро частить, совершенно невежливо походя указав пальцем на полицейского, с которым только что говорила.

– Если это стандартная старая дача, то планировка внешнего уровня мне понятна, но мы ничего не знаем, увы, про то, что не указывается в техпаспортах. Скоро стемнеет, и можно будет подобраться поближе – да хоть под видом заблудившихся туристов. Если она пуста, то это тоже может ничего не означать – а вот этого, который был внутри, но его явно не запомнили из-за формы, нарядим электриком и запустим внутрь после того, как поиграем с рубильником. У меня нет времени искать другого типа, ничего личного. Я бы даже оцепила местность, будь моя воля, но осторожно, без формы всем. Пока не село солнце, мне нужно также кое-куда позвонить, отвезите меня куда-нибудь, где закат виден хорошо, а машину будет незаметно. Машина мне нужна с прослушкой всего, что можно – и с функцией некоторых пиратских звонков по внешне не существующим номерам. Кроме того, следует позаботиться и об этой местности – уезжаем-то сейчас по делу, а к утру на этот замок могут совершить налёт.

– О последнем пункте позаботятся особо, – вдруг вставил Кесслер, угрюмо молчавший всё время до того. – У меня нет принципиальных возражений. Машину с техниками я предоставляю, леди фон Кройцер, можете взять её прямо сейчас.

Она величественно кивнула ему в ответ в знак благодарности, лилии на пышной причёске чуть вздрогнули. Затем сделала несколько шагов в сторону, оставляя мужчин перебрасываться нужными замечаниями, и остановилась у столетнего кедра, опираясь ладонью правой руки на ствол дерева. Миттельмайер воспользовался этим, чтоб подойти поближе со спины, и заметил, что другая ладонь девушки, с силой зажата в кулак, едва заметно дрожит. Он отчего-то чувствовал необходимость подойти к ней совсем рядом, и ему удалось расслышать то, что не было слышно никому.

– Что они с тобой там делают? – лихорадочно шептала Катерозе, содрогаясь от беззвучного плача. – Держись, пожалуйста, Райнхард, ты сильный, ты сможешь. Дождись нас, ради Бога, Райнхард, бывает и хуже.

По лицу хлестнули чем-то вроде мокрого платка или полотенца, и хотя повязки уже не было, ничего было не видно, кроме слепящего потока света, от которого только и оставалось, что закрыть глаза. Райнхард почувствовал, что снова стоит на коленях, но руки сцепили уже другими наручниками, и не за спиной, а спереди, но они всё равно очень ощутимо болели там, где их накололи шипы. Спина упиралась во что-то очень твёрдое, а за волосы его держали слишком грубо – кабы не сильные ушибы, которые он наполучал, свалившись с лестницы, он пожелал бы вырваться или хотя бы дёрнуться в ответ на такое обращение. Но где-то внутри уже крепло понимание, что именно тем, что почти не реагирует, Райнхард очень злит довольно многочисленных врагов, не давая им толком посмеяться. Так оно и было на деле.

– А он вовсе не так прост, как мы думали в начале, – за напускным спокойствием неизвестного говорившего, видимо, это он накрутил волосы на свой кулак, вполне угадывалась

неслабая ненависть. – Как видите, он сейчас в сознании, иначе бы стонал. Похоже, он просто не хочет разговаривать – а это лишние хлопоты, право.

– А мы никуда не спешим, – глумливо хихикнули в ответ. – Не вижу проблемы. Бросьте его на пол да поясним ему, кто он сейчас такой, все сразу – вот и захочет после общаться, я уверен.

– А я вот не уверен, что вы не стряхнёте ему башку раньше, – невозмутимо заметил первый голос, содержащий в себе что угодно, кроме искреннего беспокойства насчёт сказанного.

– Примем к сведению, да и всё, – беззаботно ответил веселившийся. – Не порти нам забаву.

– Ладно, играйтесь, но не калечить всерьёз и не бить на убой, а то отключится до утра, и что, будете с тоски в потолок шмолять? Человек, вообще-то, система хрупкая, не то, что вы, с вашими головами в лесу можно без топора обойтись, – недоверчиво проворчал ему в ответ начавший говорить. – И не долго, а то забьёте насмерть.

Райнхард едва не взвыл от боли, когда его рванули за волосы резким рывком и швырнули на пол с такой силой, что тело само грохнулось. Ничего предпринять он не успел – сверху посыпался град ударов куда попало, так что пришлось прикрывать лицо ладонями. Удары были страшными – каждый такой, что становилось странно, что он ещё в сознании. Он смутно понимал, что его валяют по полу ногами, но сколько было тех, кто этим занимался? Неужели не один десяток, а целая рота? До его слуха постоянно доносились взрывы глумливого хохота после каждого раза, когда тело пыталось выгнуться на рефлекс от сильной боли, но довольно быстро и эта реакция стала затихать, а молча дышать становилось всё труднее. Похоже, все предупреждения ворчуна пошли прахом – в какой-то момент Райнхард понял, что надеяться на прекращение казни не приходится, и развеселившаяся орава сама не заметит, как прикончит его. Он без сил остался лежать, не шевелясь и никак не реагируя на неутихающий ливень ударов. Катерозе, неужели ты так и не успеешь прийти на помощь? Как жаль...

Миттельмайер осторожно положил ладонь на плечо леди фон Кройцер. Против ожидания, она не сбросила её резким движением и не огрызнулась вслух. Только уставшим взглядом покосилась в его сторону и молча кивнула с тяжёлым вздохом.

– Что там? – тихо спросил он, сам не особо понимая, что говорит. – Что... – он осёкся и только вздохнул сам.

Катерозе посмотрела на него неподвижным взглядом, только сейчас было видно, что её огненные глаза блестят так, что ей впору только заплакать. Похоже, она решала, стоит ли разговаривать вообще. В этот момент зазвенел сигнал вызова, где-то в недрах не то её причёски, не то в складках слишком знакомого Миттельмайеру плаща, чтоб можно было считать это простым совпадением... «Мне говорят, что я непобедим, что я дерусь недопустимо жёстко, – затрещала на звенящий мотив автоматика, – да мне-то что, я против всех один, да защищаюсь знаком перекрёстка...» Катерозе опомнилась и, молча на миг прикрыв глаза в ответ Миттельмайеру, тронула свободной рукой что-то среди складок под плащом:

– Да, Йозеф, я на связи, слушаю.

– Мы прибыли на базу, – прошелестел тихий добрый голос. – У тебя есть новости? А то именно сегодня снялись с места радужные упыри, представляешь? Полчаса уже, как в пути, вся кода в полном составе.

– Вы отслеживаете, куда они движутся? – встрепелась миледи. – Я ещё не звонила розенриттерам, и место, куда утащили букет с нейтральной полосы, только в стадии разработки.

– Могу пока точно сказать, что движутся они точно в сторону вас, но ведь разброс может составить до двух десятков километров, – вежливо говорил неведомый собеседник, от его

тихой уверенности в благоприятном исходе любого дела веяло чем-то необычайным. – Может, подскажешь мне ориентир, да я пойму, по курсу ли им оно сейчас.

– Посмотри, накрывают ли они в таком случае особняк Эрледижена, – очень быстро проговорила она, полностью замерев с остекленевшими от напряжения глазами.

– Та-ак, – деловито протянули на том конце связи, – проверим... – и уже совсем изменившимся от удивления тоном добавили. – Слушай, всё отлично совпадает, они туда и летят, вот спасибо за подсказку...

– Тебе спасибо, что сообщил, теперь мы всё должны успеть! – с чувством выпалила она.

– Так это, – радостно усмехнулись вдаль, – миледи, слово и дело, а то ж как ещё! Ждём указаний.

– Слово и дело, – почти прошептала в ответ она, разговор оборвался.

Миттельмайер посмотрел на неё столь доброжелательно и умоляюще, что она сдалась.

– Ладно, Ураганный Волк, думаю, ты уже имеешь право это знать, – очень тихо сказала она. – У меня нерешённая проблема со сбежавшими чёрт знает куда розенриттерами, которые ненавидят императора, и орден белой лилии, что предан династии Лознграмма, но не афиширует свои предпочтения и рвётся в бой, понимаешь?

– Вполне, – он вежливо кивнул головой. – Но однажды некто Мюзель вытащил меня из плена, ты это понимаешь? А кто такие твои с белыми лилиями, я не знал и знакомиться уже некогда. А ещё ты можешь не знать ещё одну старую фамилию, которая сейчас обзывается Эрледижен, а двадцать лет назад звучала совсем иначе.

Катерозе почувствовала, что земля качнулась у неё под ногами слишком опасно...

– Верно, не знаю, говори, – вежливо попросила она, холодея от неведомого ужаса.

– Ипатьев, – холодно сказал он и успел аккуратно подхватить её под локоть. – Так что бери на борт, не отстану.

Всё-таки выдержка у леди фон Кройцер была железной – никакого резкого визга она не издала, хотя на лице сейчас было прекрасно видно всё, что она думает по поводу услышанного.

– Что ж, у меня будет не самый обычный напарник сегодня, – она старательно произносила слова холодным тоном, сиюсь поскорее отойти от потрясения, – но значит, так тому и быть. Только не лезь на рожон, ладно?

– Точнее, ты хотела сказать, чтоб не лез вперёд тебя, да? – он вежливо отпустил её и слегка поклонился. – Но тогда ответь, что там. Что с ним там? – при этих словах он посмотрел так, что Катерозе едва не разрыдалась сразу же и в голос.

– Ему больно, – едва слышно сказала она шёпотом. – Ему очень больно, но он ждёт, что мы успеем вмешаться. Ах, если бы он хотя бы носил нужные пуговицы, мы бы знали, где это, сразу же! А так остаётся молиться, чтоб моя провокация сработала.

Миттельмайер кивнул головой, молча пожал плечами и подал ей руку. Она вежливо приложила свою, и к остальным они вернулись уже вместе. Оберштайн взглянул на них как на совершенно обычное явление, остальные же, по-прежнему пребывая в шоке от случившейся беды, уже устали удивляться.

– Электрик отправился, у нас есть полчаса где-то, – будничным тоном заявил министр обороны. – Что, новости получены?

– Да, мы делаем всё верно, – заявил вдруг Миттельмайер. – Все сведения подтвердились. Оберштайн молча кивнул.

– Едем звонить, – устало произнесла Катерозе. – По дороге надо будет сварить кофе покрепче, право.

Холодно. Наверное, вечер, раз на полу так холодно – да и в рубахе, без куртки, неудивительно. Интересно, увижу ли я солнце ещё раз? Хорошо бы. Сколько прошло времени? Навер-

няка не очень много, просто оно растягивается от безысходности. Что ж, остаётся только утешаться тем, что дали небольшую передышку, а вот было бы здорово дождаться и выжить. Хотя сам во всём виноват, конечно. Завоевал Вселенную, ага, чтоб вот так валяться сейчас, боясь пошевелиться от боли, какая грустная ирония. Впрочем, знай я об этом заранее, это ведь меня бы не остановило, верно? А вот слушать советы друзей никогда не мешало, вообще-то – жаль всех, с ума там явно сходят от горя. Особенно... нет, нельзя о ней сейчас думать, ещё почувствует что-нибудь не то. Хильда, увижу ли я её когда-нибудь? Господи, позаботься о ней, это всё, о чём прошу.

Райнхард совсем упустил из вида, что выдал себя – палачи уже поняли, что он пришёл в сознание, оттого что лежал молча. Однако они были чем-то отвлечены, слышались голоса, будто сквозь вату.

– Нет, ну что за безобразие, – кипятился кто-то, – сначала как по заказу забава портится от этого отключения энергии, а после ещё и этот дурень является мешаться!

– Да ладно, что такого-то? – спокойно отвечали ему. – Ну рвануло случайно где-то, починили же быстро, и потом, что странного – уважают, раз прислали техника с проверкой.

– Да ну, настроение уже не то как-то...

– Ты что, торопишься? В кои веки оно лишнее сегодня, выпей лучше...

Райнхард против воли насторожился. Отключение энергии? Да эта толпа не местные, здесь от веку такого не бывает, это же старая столица, всё-таки... Так вот почему избиение прекращено – только вот не верится, что всё это случайно. Впрочем, вроде не беспокоятся всерьёз, дураки, а зря – уж не рыжая ли чертовка даёт о себе знать такими намёками? Или ему в бреду голос Катерозе просто примерещился, когда от ударов уже хотелось умереть сразу? Ах, до чего же обидно быть таким беспомощным, ведь даже дышать толком тяжело.

Загрохотали чьи-то сапоги с набойками, приближаясь – кажется, трое или четверо. Впору взвыть от боли, позабыв про всё – Райнхард понял, что его опять рывком ставят на колени, но предпочёл уронить голову на грудь и не открывать глаза, чтоб никого не видеть. О том, что это воспримут как вызов с его стороны, он просто не подумал.

– Смотрите-ка, до чего наш гость заносчив – так и не желает разговаривать, – с ненавистью прохрипел кто-то.

– Ну так мы же его не угостили, – с глумливым смехом отозвались над головой, – придержите-ка, чтоб не дёргался...

Райнхард даже почувствовал, что в нём ещё может закипать гнев – за волосы рванули слишком сильно, запрокинув голову вверх, а потом с такой силой разжали челюсти, что пришлось подчиниться от нехватки сил, и в горло хлынул жгучий поток какой-то пакости, похожей на слишком дешёвый портвейн. Он с неожиданной даже для себя силой мотнул головой так, что явно вырвал её из чужих пальцев, и с удовольствием плюнул вниз тем, что ещё не успело попасть внутрь. Рёв, в котором удивление преобладало над животной злобой, прокатился где-то по сторонам и вроде как ушёл вверх. Райнхард произнёс только одно слово, очень крепкое портовое ругательство, которым не пользовался с тех пор, как стал герцогом, но этот удар враги почувствовали в полной мере, ответив нечленораздельным воем, полным ненависти. Тут же по щеке хлестнули так, что мало ему не показалось, но он лишь снова молча уронил голову на грудь и затих. Где-то вдалеке раздался рафинированный хохот и нарочито жеманные хлопки, будто кто-то аплодировал, издеваясь.

– Что, съели, рыцари розочки, этак он вас приложил-то? – проговорил некто развесёлый и манерный до тошноты. – Всё правильно, вы не умеете оказывать почести сообразно рангу, несчастные плебеи. Придётся показать, как это делается, – и обладатель этого слащавого головочка громко щёлкнул пальцами несколько раз, явно отдавая кому-то какие-то указания.

Вокруг негромко, но зашумели и завозились – явно приближался ещё кто-то, кто не обрадовал своим появлением массовку. М-да, шуму, как от двух рот, не меньше, но всё равно же

целая толпа сверлит взглядом лицо, ни за что не открою глаза, а то кабы не увидеть чего такого, от чего нервы сдадут раньше времени. И так, засада, тут действительно и розенриттеры, и какие-то вырожденцы из старой аристократии – а значит, где бы всё это не творилось, шансов выбраться никаких... Погибать в космосе было не страшно – обожгёт мгновенно волна горячего взрыва, потеряешь сознание сразу, и уже труп. А тут фантазия у дегенератов и отморожков имеется, и времени у них хватит порезвиться. И даже думать страшно, что сделают с телом потом. Господи, если они тут намерены не торопясь разрывать меня на куски, сделай так, чтоб я сразу умер тогда, неохота служить развлечением подонкам. И позаботься о моих людях, я уже ничем им не могу помочь.

Райнхард не ошибся – тяжёлые шаги не спеша приближались, и те, кто держал его, ослабили хватку, а потом и вовсе отпустили и шагнули в сторону. Он аккуратно взялся контролировать ноги, пытаясь встать – сначала с правой, потом осторожно выпрямить левую... Ах, до чего больно, но ничего, выпрямляемся, так надо, иначе все решат, что я зря столько времени провёл на «Брунгильде»... Ага, шумят уже испуганно, хоть какая-то мелочь, ладно. А теперь не спеша придётся открыть глаза – да что я, смерти в лицо не смотрел, что ли, подумаешь, ещё одна в человеческом обличье...

Так. Ну и унылое же место – похоже, нижний этаж, изначально спроектированный под потайной в старом особняке и весь выложенный диким камнем, или же огромный погреб, где могли хранить запасы на дивизию – то-то сюда действительно около двух сотен ублюдков и набежало, а вон и каменная лестница, ага, странно, что я цел настолько, что смог встать. Стало быть, точно Один, и времени от силы на подзакатье и прошло. Ну и рожи у вас, флибустьеры позора, поди, сам отец Катерозе бы уже плевался бы от такого контента боевого подразделения. И гражданские тоже красавцы, ага, ещё хуже. Чего глядите-то так испуганно, я тут в оковах или вы? Это мне полагается бояться, наверное – вон какое погорище мне навстречу шелестит, я такое только видел, когда мы за Миттельмайером в тюрьму ходили по молодости. Да только нет у меня нынче ни Кирхайса, ни Ройенталя, да и не знает никто, где я сейчас, и Миттельмайер тоже, чего забоялись, что смотрю неласково? Ах ты чёрт, да это же, кажется, тот самый палач из той тюрьмы и есть, просто постаревший уже... Эге, я пропал – эти трусы ничего не забывают, да и сил моих хватает только стоять, на поединок меня не хватит, даже с самым скромным противником. Однако у него тоже страх в глазах проскочил, это приятно. Рискнём, всё равно ж погибать, так пусть не рады будут.

– Освободи мне руки, – ледяным тоном приказал Райнхард, когда чудовище приблизилось почти вплотную.

– Я не за этим пришёл, – ехидно ответил тот, остановившись.

– Тогда катись к чёрту, – равнодушно ответил император и отвернулся всем корпусом, сложив скованные руки на груди и уставившись куда-то вверх, в пустоту.

Ждать долго не пришлось, ждать вообще не пришлось – но такая действительность превзошла все возможные ожидания... Такой боли, как будто в тело впечатался кубометр расплавленного металла, Райнхард не испытывал никогда в жизни, и он с трудом смог понять, что падает на пол лицом вниз с жалобным криком: «Кирхайс!». Изуверы, да на сколько ж вы прикрутили режимы на электрохлысте, этак же сердце просто остановится разом, и останетесь без забавы, дурачье. Ну всё, посмотрели раз на меня, и хватит – я бы если и хотел шевельнуться, да сейчас точно не смогу. Ах, какая волна жара внутри, этак лихорадка кажется уже чем-то комфортным. Катерозе, прости меня, простите меня все, я не выдержу этого, так я не могу.

Передышки ему не дали – и новая пучина ада обрушилась ему на спину, проникая везде... Райнхард почти не осознавал происходящего, а между тем присутствующие услышали чёткое и горестное: «Ройенталь!» – и этот крик, казалось, ушёл вовсе наверх, не желая эхом звучать здесь.

– Чёрт возьми, – сурово проворчал кто-то из розенриттеров, – он так и не желает с нами разговаривать, это же его погибшие друзья, – и демонстративно налил себе стакан и залпом выпил.

– Продолжай, – с сильным неудовольствием в голосе приказал палачу его начальник.

Райнхард не слышал ничего из этого – но новый удар вырвал у него из груди только громкий стон: «Фаренхайт!». Общее настроение уже и так не было весёлым, а сейчас и вовсе стало склоняться к унынию. Палач тупо продолжал, не особенно заботясь о том, что делает, Райнхард, похоже, был и вовсе не в себе, однако на каждый удар называл новое имя, будто звал погибших в свидетели – именно такое ощущение отчего-то стало проявляться у всех присутствующих. Наконец один из полевых командиров резко встал, крупными шагами приблизился к палачу и вырвал хлыст у него из рук. Тот не выказал сопротивления, лишь поклонился с подобострастной улыбкой, а новоиспечённый самодур демонстративно взялся рассматривать орудие пытки с видом заправского ценителя:

– Ничего личного, мужик, но регулятор у тебя сломан на максимуме – так нельзя по всем нормативам, – и он бесцеремонно вытащил из ручки батарею и забросил куда-то наверх. Она пролетела все ступеньки и шмякнулась наверху об пол, тоненько пискнув – вряд ли её можно было вскоре заставить работать.

– Джентльмены, – важным тоном сказал новый персонаж, – рекомендую мероприятие прервать, исключительно по техническим причинам. Иначе вы ничего не оставите от нашего гостя себе даже на закуску.

– Я протестую, – взвизгнул манерный начальник палача. – Если вы портите нам вечеринку, то должны предложить что-нибудь взамен.

Брутальный вояка картинным жестом сложил руки на груди и расхохотался – он явно подсознательно пытался копировать жесты легендарного в среде розенриттеров капитана Шёнкопфа.

– Я Вам не затейник, это не моя работа. А вечеринку портите вы своим криворуким удолбаном, который не умеет оружие в руках держать и сам не понимает, что делает. Вы что, сами не видите, что пауза нужна? Вот и заткнитесь, а лучше включите музыку, скучновато как-то стало, – он нарочито криво усмехнулся. – Шучу, жрать уже охота и выпить, или остальные против?

Тут же возникло очень бурное оживление и суета, и напыщенный сноб молча махнул рукой в знак согласия. В несколько минут развернулась довольно разнузданная пирушка, с хохотом, прибаутками и плясками. Однако всё это никак не проникало в залитое болью сознание пленника – он так и остался лежать на полу на боку, потому что спина сейчас была похожа на одну сплошную рану, а скованные руки мешали лечь вверх спиной. Где-то через четверть часа – однако время среди сплошной боли перестало вообще существовать – Райнхард с трудом понял, что что-то происходит. Его приподнимал, и на этот раз очень осторожно, как раз тот самодовольный командир, что остановил экзекуцию – впрочем, хотя глаза Райнхарда и были уже открыты, но ничего не указывало тому на то, что эти глаза видят происходящее.

– Давай пей, – тихо, но внятно и без злобы произнёс незнакомец, – тебе полегчает, не бойся, – и осторожно поднёс к губам раненого стакан.

Тот отчего-то молча подчинился – и хотя действительно старое имперское вино фактически вернуло его к жизни, жить ему уже не хотелось. Розенриттер даже поймал себя на том, что вздрогнул от ничего не содержащего сейчас взгляда – и, быстро скинув с себя верхнюю куртку, осторожно уложил раненого на неё – но никакой реакции, кроме едва шевельнувшихся губ, не последовало. Он наклонился, чтоб услышать, и смог разобрать довольно ясно:

– Катерозе фон Кройцер, прости меня, я не могу больше держаться. Прости меня, Катерозе, – и глаза пленника медленно закрылись. Розенриттер поспешно тронул его за шею, проверяя пульс, не без явного облегчения вздохнул, встал и вернулся к пирующим.

– Так, и что там происходит? – холодно спрашивал Миттельмайер у недавнего собеседника. – Вполне себе обитаемый дом, стало быть? – он довольно крепко сжимал сейчас ладонью пальцы Катерозе – та, вопреки всему, вовсе не возражала, предпочтя вдруг говорить меньше, но слушать и только глаза её продолжали поблёскивать в полумраке салона спецавто, как будто внутри у них был автономный источник питания.

Полицейский сейчас был вовсе не похож на себя самого – действительно, увалень-простолудин, который сам не рад таскаться вечером по чужим полям и поместьям с ящиком датчиков и инструментов.

– Там по словам той, что мне назвалась хозяйкой, идёт вечеринка. Сейчас обработается изображение, посмотрите, кто это. Тем не менее, музыки я не слышал и особо гостей не видел вовсе. Похоже, мероприятие у них проходит в цокольном этаже. Меня поторапливали, говоря, что ещё не все гости прибыли, мол, нечего тут... Но поставить жука я успел, правда, только самого универсального. Это не женщина, а чёрт в юбке, всё видит.

– Логичнее было бы закатить вечеринку на первом этаже с выходом на открытый воздух, всё же? – задумчиво обронил Миттельмайер, скорее для себя, чем для окружающих. – Мне уже тоже всё это шибко не нравится.

– Всё, заработала! – вскинул кулаки кто-то из техников, корпевших над автоматикой. – Всё, сейчас у розентриттеров будет звоночек с записью миледи. Ждём-с, – азартно добавил он, – чует моё сердце, что попадём туда, откуда теперь жук фонит.

– Следи уж, – мрачно ответил ему коллега, – а то как оборвут, не дослушав, так и не успеем зафиксировать.

– Они дослушают, – уставшим голосом произнесла Катерозе. – Я знала, что им говорю, дослушают. Ну, и что это за мымра, вообразившая себя пиковой дамой, знает кто-нибудь или нет? – она с ненавистью воззрилась на изображение, переданное разведчиком.

Миттельмайер застыл с открытым ртом, и в повисшей тишине вдруг раздалось очень неприличное ругательство – это прогремел на весь салон Оберштайн, доселе молчавший, как замшелая скала посреди дикого леса.

– Согласен с Вами, сударь, – поспешил вставить адмирал. – Других эпитетов для Эльфриды Кольрауш я тоже не применяю давно.

– Ах, так вот кто заварил всю эту кашу, – ехидно осклабилась Катерозе, вставая и выпрямляясь во весь рост. – Подождите, дайте мне понять, чего она хочет и как, похоже, она очень кстати окажется в этом раскладе, старый шулер Ройнталь отлично играл в карты, может, и мы не подкачаем... – она шагнула в экрану и накрыла пальцами правой руки место, где проявлялись глаза внучки покойного Лихтенладе. – Как раз и повстречаемся, змея, ну же, начинай уже ревновать – самое время!

Миттельмайер повернулся к Оберштайну и ошарашенно спросил:

– А им-то чего делить, а? Ройнталь давно мёртв...

– Позиции и территорию, – спокойно отозвался тот. – Одна хочет хорошо отыгаться и уничтожить то, что ей несимпатично, другая загрызёт кого угодно за то, что ей дорого. К сожалению, интересы змеи и дикой кошки пересеклись, но это к счастью для нас всех.

Миттельмайер озадаченно покачал головой.

– Не больно-то приятно быть призом в чужой драке, но я ставлю на кошку.

– Я не столь категоричен, но это всё, что нам пока остаётся. Взгляните сами, тут штурмовать на деле нечего, но наличие заложника исключает проникновение кого бы то ни было с подобными целями, – Оберштайн говорил ровно и спокойно, но всё же безрадостные интонации были заметны. – Розентриттеры не дураки и не заглотят никакой наживки, не выдернув к себе сначала рыбака. Поэтому пусть миледи резвится – а ну как у неё получится то, что нам надо, но совсем иначе?

– Похоже, всё к тому идёт, – хмуро насупился Миттельмайер. – Во всяком случае, один раз я уже послушался совета одной леди, накануне Вермиллиона, и не жалею об этом.

Катерозе тем временем убрала руку с экрана, повернулась к нему спиной и схватилась ладонями за виски.

– Ах, какие же они гнусники там все... – едва слышно прошипела она себе под нос, чуть склонив голову вниз. – Я лично после всего напалмом выжгу эту помойку... Ну что там с пеленгом, разобрались, куда ушёл звонок? – добавила она уже громко, с апломбом повелительницы.

– Да, леди фон Кройцер, – вежливо ответили ей с места техников. – Как и ожидалось, звонок был принят в цокольном этаже особняка Эрледиген. Передача была прослушана полностью, не прерываясь ни разу.

– Уже неплохо, значит, слушали, гады, – злобно ухмыльнулась она, складывая руки на груди. – Что ж, они сами себя хоронят, пусть, пусть мёртвые хоронят своих мертвецов, у нас есть дела поважнее. Ураганный Волк, проверь, пожалуйста, не поступало ли тебе лично каких звонков домой, или в рабочий кабинет, или твоим доверенным лицам с просьбой найти тебя, ну, и прочие варианты связи с тобой. Если нет – дай удобные тебе координаты, сейчас тебя будет разыскивать некий таинственный персонаж, а нам он нужен.

– Понял, – деловито ответил Миттельмайер. – Будет сделано.

Полыхнул экран экстренной связи, и появилось хмурое лицо Кесслера.

– У нас занятые передвижения вокруг замка императора, это раз. Просто сообщаю, ситуация под контролем. Второе поважнее – явился с повинной адъютант Меркатца и рассказывает детали похищения, сообщает имена и функции исполнителей.

– И всё? Негусто, – фыркнул Оберштайн презрительным тоном. – Чем он мотивирует свой поступок?

– Честолюбивое чистоплюйство, я бы сказал, – тем же тоном ответил Кесслер. – Дескать, его господин дрался с императором в честном бою, а то, что было сделано – отвратительно и безобразно.

– Ага, нервы сдали – побежал сдавать сообщников? – Оберштайн даже криво усмехнулся.

– Да он плетёт какую-то ерунду про то, что его обманули, чего-то не рассказали, ну, как всегда.

– Кесслер! – вдруг вскрикнула Катерозе, даже протянув руку в сторону экрана. – К чёрту перебежчика, срочно установите дополнительную охрану к дому адмирала Миттельмайера, а лучше и вовсе эвакуируйте всю семью по-тихому. Быстрее, прошу Вас!

– Слушаюсь, – ответил тот, подождал, пока Оберштайн кивнёт ему, и отключил связь.

Как грустно и как печально. Странно, стоило сломаться – и всё, оставили в покое. Да вот надолго ли, скорее всего, вовсе ненадолго, во всяком случае, восстановиться мне вряд ли удастся до этого момента. Да и не уверен я вообще, что мне вовсе теперь что-то удастся – размазали так, что можно делать со мной что угодно – даже мысли о том, чтоб сопротивляться, не появится. Какого чёрта я не умер во время этой пытки? Я себя даже в теле своём не чувствую толком, что со мной, не пойму. Больно, и всё. Больше ничего, только больно везде. Где я, по-прежнему там, где глумилась эта орава мерзких рож, или ещё где-то? Катерозе, что со мной? Где ты, рядом или снова где-то вдаль? У меня нет сил, я боюсь, Катерозе, сделай что-нибудь. Помоги мне, я, похоже, погибаю.

Райнхард попытался тряхнуть головой, это удалось лишь отчасти, но привело его в чувство окончательно. Правда, пришлось об этом пожалеть почти сразу – мало того, что во всём теле отозвались мириады злых иголок, так ещё и в голову, где свободно разгуливала сильная мигрень, ворвался шум и гомон вражьей пирушки. Насколько хорошо то, что пока им не занимают? Но всё же, именно сейчас стало понятно, что происходящее уже подпало под катего-

рию «невыносимо». Хотелось закричать так, чтоб навсегда сорвался голос. Хотя бы. А то, тоже неплохо, получить смертельный удар каким-нибудь клинком. Только не лежать тут почти безжизненной тряпкой на потеху слизнякам в человеческом облике. Ну, или пусть сторит к чертям всё вокруг, плевать, что вместе со мной. Стоп, император, это называется истерика. Ничего хорошего, конечно, но сам факт её наличия уже говорит о том, что пусть самые ничтожные, но силы ещё есть. А это не повод ими бросаться. Не можешь на деле ничего – лежи, возможность выиграть время всегда пригодится. Эх, до чего же сложно самому применять все эти советы на себе. Всё же до такой слабости ещё не доходило, не припомню. Всё же, хочется, чтоб случилось ну хоть что-нибудь. И желательно, хорошее. Или в этом аду надеяться на это глупо?

Шум затих по вполне себе уважительной причине – тренькнул сигнал вызова в блоке связи у розенриттеров – этот чемодан очень легкомысленно позабыли у стены ради стаканов и бутылок. Взревел разухабистый баритон самого вызова: «Запылился в кладовке парадный мундир, мышшь сгрызает от розы погоны. Нам досталась судьба защищать этот мир – вне закона уже, вне закона!» Райнхард почувствовал, что заинтригован, и чуть открыл глаза – оказалось, что звук доносится как раз с той стороны, откуда ему было бы удобно, не шевелясь, увидеть изображение, кабы оно появилось.

– Что за чертовщина, – взвыл кто-то из солдат удачи, – это ж позывной самого Шёнкопфа!

Автоматика бесчувственно продолжала наяривать: «В этой нищей, забитой, пропавшей стране, так похожей на общую зону, кто-то должен остаться в последней войне вне закона совсем, вне закона!»

– Да неужто сам с того света, с него стало бы, братва! Хватай трубку! – раздалась разные голоса.

Застучало несколько сапогов, и кто-то самый быстрый подскочил и нажал нужную кнопку. На пустой пол хлынул сначала резкий белый конус света – Райнхард с удовлетворением отметил про себя, что видит его полностью. Затем в конусе появилась фигура в лучах закатного солнца – как будто в чёрном мундире или что-то в этом роде, но в огромном плаще синего цвета, который не вызывал иных ассоциаций, кроме давно погибшего адмирала Ройенталя... Но фигура в чёрном была женской – а женщина огненно-рыжей, с мощной гривой роскошных волос, перетянутых алой лентой через лоб, и украшенной множеством белых лилий. По помещению прокатился общий вдох восторга. Женщина стояла, с вызовом сложив руки на груди, и чуть покачивалась на каблуках высоких сапог – от этого формировалось стойкое ощущение, что она намерена говорить как минимум очень серьёзно.

– Ну что, добрый вечер, якобы, дорогие вы наши розенриттеры, – довольно высокомерным тоном роняла слова леди фон Кройцер, а Райнхард чувствовал, что вне зависимости от того, что сказано, в его теле постепенно утихает боль. – Последний у вас нынче добрый вечер, к слову. Для тех уродов, кто не понял, с кем имеет честь, напоминаю – с вами говорит невестка Яна Вэньли, дочка капитана Шёнкопфа, леди фон Кройцер с Хайнессена, а также командор ордена Белой Лилии. Итак, вы сделали то, чего делать было не надо, и сами знаете об этом. Я также знаю об этом. А потому у вас проблемы. Не хи-хи, а проблемы – и не надо думать, что Галактика большая, а вы маленькие. Галактика – она женского рода, и сердце женщины побольше Галактики бывает, впрочем, многим из вас это неизвестно, потому что женщины вам не дают, дают разве что шлюхи, которые плевать на вас хотели. А иначе бы вы пену изо рта от зависти не пускали бы и не взялись за гиблое дело. Думаете, круче вас только горы, выше вас только звёзды? А то, что чем больше шкаф, тем резче падает, забыли, стало быть? И что сатана за службу черепками платит вместо золота, тоже запомнили? Ладно, лирику о том, какие вы на деле неудачники да завистники пропустим, а суть дела в том, что с этой минуты у вас времени больше нет – ну, разве что если вы резко захотите всё исправить, ага. А у меня времени хватает, чтоб каждого достать после и разделать маникюрными щипцами кошкам на корм, да и с того света доставать таких, как вы, я тоже умею – уж лучше вам идти

кошкам на корм, сразу уточняю. Потом не жалуйтесь, я предупредила, – Катерозе сделала поистине очаровательный приветственный жест ладонью с такой упоительной грацией, что становилось понятно, отчего все её слова по-прежнему звучат в тишине. – Сюзерен, улыбнись, скоро увидимся, – она улыбнулась так, что от этой улыбки померкло бы не только закатное солнце, но и полуденное, и изображение пропало.

На несколько долгих секунд повисла гробовая тишина. Райнхард поймал себя на том, что сам лучезарно улыбается. Он с неведомым только что вовсе наслаждением потянулся, отчего его оковы слабо звякнули, и произнёс с такой теплотой, что сам удивился своему голосу:

– Спасибо, Катерозе. Будь по-твоему, – и затих с закрытыми глазами, больше не шевелясь.

Со страшным грохотом – видимо, от души шарахнув бутылку об стену – вскочил недавний командир, повелевший пировать:

– Да что же это такое, а?! Тысяча чертей, хотел бы я в таком случае, чтоб у меня была такая красotka, чтоб позвал – и появилась!

Райнхард узнал голос приносившего вино, и спокойно ответил:

– Тебе такую найти никто не мешал, а я и не искал даже, это всего лишь сестрёнка самозваная.

– Какого чёрта?! – взвыл некто очень злобный. – Какого чёрта мы тут слюни пускаем, из-за какой-то самодовольной соплячки, что ли? В жизни такой наглости не видел, право!

– Эта соплячка в Изерлонском коридоре за один вылет полсотни истребителей сбивала не напрягаясь, помнится, когда ребёночком была, – ядовито ответил ему ещё кто-то. – А с топором она взвод таких, как ты, укладывает в гроб спокойно. Чёрт возьми, уж никак не предполагал, что она сунется в это дело, однако.

– Чёрт бы побрал все эти дамские капризы! – взревел нарушивший молчание первым. – Она что, намекает, чтоб мы ей отдали Золотоволосого, так что ли? Может быть, ещё и даром хочет? Не видал ещё таких амбиций покуда, не видал!

– Капитан Бергер, – прозвучал вдруг знакомый жеманный голосок. – Вас послушать, так Вы всерьёз намерены решать вопрос таким образом? Не слишком ли большое значение Вы придаёте весёлой шалости вздорной девчонки?

– Да заткнись ты, пока сам вместо девчонки у меня тут не стал – что-то мне подсказывает, что ты очень не против будешь, – рявкнули ему в ответ. – Вот я ещё тебе не отчитывался, что намерен решать и как, ага. Короче, парни, я недоволен – и пока за эту голову не заплачено полностью, запрещаю её трогать неаккуратно. Приобрести такого врага, как рыжая бестия, мне вообще не улыбается ни разу.

– Бергер, вы хам! – свистящим фальцетом завизжал жеманник. – Вы ещё и трус, если испугались угроз взбалмошной бабёнки! Я требую, хоть вы и простолюдин...

– Ребята, уберите ЭТО, пожалуйста, – негромко попросил кого-то Бергер.

Послышалась какая-то возня, сопровождаемая взвизгиваниями, и скоро затихла.

– Да ладно вам лютовать, – церемонно произнёс незнакомый холодный голос. – Если так опасаетесь, что вас кинут с оплатой, можете получить её уже через полчаса, а не утром. Желаете? Вот и славно. А пока есть смысл продолжить веселиться, к столу, джентльмены.

Райнхард почувствовал себя совсем дурно – по всей видимости, последствия травм решили дать о себе знать. Он закусил губу, чтобы душный вал тошноты не накрыл его полностью – не то он всё же заработал сегодня сотрясение мозга, не то из-за ран на спине начала подниматься температура. Мышцы на руках и ногах вздумали дрожать от сильного озноба, он старался их унять, и это вызывало новые боли. Кроме того, свет отчего-то стал казаться глазам слишком ярким даже сквозь прикрытые веки, и появилось опасение, что из глаз вот-вот потекут слёзы. Пришлось отвернуться лицом к полу, но бороться с недомоганием почти не получалось. В ушах нехорошо зазвенело, и надвинулась нехорошая чернота. Сплошная.

– Вольф, что происходит, ты отдавал распоряжение эвакуироваться? – слегка встревоженный нежный голос фрау Миттельмайер звучал очень вежливо и негромко в полутьме салона спецавто. – Это из-за звонка той женщины, что назвалась мамой Феликса, да?

– Да, отдавал, придётся потерпеть неудобства, – спокойно и с нежностью говорил в ответ адмирал, однако всем слишком хорошо было понятно, чего стоит это спокойствие. – А как давно был этот звонок и что ты ответила?

– Да минут десять или меньше даже. Я дала ей тот номер, который ты обычно разрешаешь в подобных случаях.

– Эва, ты умница! – не сдержался Миттельмайер. – Скоро не ждите и лучше после отъезда ложитесь спать.

– Будет сделано, – промурлыкала его супруга и отключила связь.

Катерозе вскочила с места, снова уселась, истово сжимая и разжимая кулаки, мужчины вовсе не шевелились.

– Но отчего же она ещё не отзвонилась-то по номеру? – ожесточённо думала вслух леди фон Кройцер. – Значит, занята, что ли, раз доверилась сообщению жены? Аж думать не хочется, чем она занята, а надо, э-эх. Ну же, змея, выползай уже, второй возможности ухватить сразу двух у тебя не будет, а ты ведь жадная, – она вдруг снова схватилась ладонями за виски и тихонько всхлипнула. – Сколько ж можно, вот изуверы-то... Эй, Эльфрида, – прошипела она уже с каким-то мрачным азартом, – иди сюда, тебе же интереснее резвиться с ними двумя, верно, что за дурь время терять только на одного, им там и без тебя есть кому заняться... Иди, иди сюда за вторым, деточка, твой дедуля хочет видеть твои ручки с двумя головами, ай-яй, не упустите, не то уроните, опять уроните... Оставьте его, оставь, иди за вторым, иди...

Катерозе была слишком занята своими всееляющими ужас в наблюдателей заклинаниями, чтоб заметить, что делается на лицах окружающих, застывших неподвижно в суеверном ужасе. Только Оберштайн картинным жестом тихо хлопнул себя по лбу ладонью, будто не то забыл, не то только что-то понял или нашёл решение головоломки, и ядовито не то улыбнулся, не то усмехнулся. Сигнал вызова под плащом Катерозе подействовал на всех, как удар хлыста, да и она не сразу пришла в себя и включила связь. «Когда в котле времён и перемен нас плавят как куски слепого воска, когда кому-то трудно стать с колен, я защищаюсь знаком перекрёстка» – протарахтела автоматика на весь салон.

– Йозеф, я в запарке. Что у вас? – деловито спросила она, прикрыв глаза.

– База расконсервирована, моя комната тоже готова, – от тёплого тихого голоса веяло несокрушимой надеждой на лучшее. – Когда орлам вставать на крыло?

– Йозеф, там Эльфрида Кольрауш, и она мне не звонит, до сих пор, понимаешь?! – с дико натянутыми нервами в голосе сообщила Катерозе, не открывая глаз. – Мы не можем из-за этого подобраться к букету, а они его уже рвут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.